

АЛЕНА СКАЗОЧНИЦА

Босиком под двумя
лунами

Алена Сказочница

Босиком под двумя лунами

<https://litres.ru/74102048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представь: ты студентка-художница. У тебя завтра экзамен. Ты ненавидишь банки из-под оливок и очень хочешь спать. А потом вода в твоей банке внезапно решает, что она не вода, а портал в другой мир. И ты — в пижаме, босиком, с сухой веткой в кармане — оказываешься под двумя лунами. Дальше — хуже. У тебя нет тени. За тобой охотятся существа без лиц. Древняя богиня-лиса предлагает выбор: исчезнуть, вернуться домой без памяти или стать хранительницей чужой боли. А где-то там ждёт старик, который сто лет назад предал ту, что любила его по-настоящему. И весь этот бардак теперь — твоя проблема. «Босиком под двумя лунами». Иногда, чтобы изменить всё, достаточно просто заплакать над чужой историей.

Содержание

Глава 1. Граница, которую замечает только тень	4
Глава 2. Лавка между мирами.	13
Глава 3. Сны иных миров	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алена Сказочница

Босиком под двумя лунами

Глава 1. Граница, которую замечает только тень

Пролог. Сто лет назад

Тот, кто ждал сто лет, помнит не лицо. Он помнит запахи.

Ночь была тёплой и тихой. Деревья стояли неподвижно, и в этой неподвижности было что-то важное, что-то, что не терпит суеты, будто сама природа затаила дыхание, чтобы не спугнуть мгновение.

Две луны висели над озером — серебряная и красная, как два глаза, которые смотрели на этот мир с разных сторон.

На высоком отвесном берегу стояли двое.

Она — в лёгком шёлковом ханбоке, расшитом серебряными нитями. Девять рыжих хвостов мягко покачивались за спиной чуть касаясь травы. Её глаза, цвета старого мёда, смотрели на мужчину, который стоял напротив.

И он — высокий, в длинном тёмном пальто, с саблём на поясе. Чёрные волосы падали на лоб, а глаза светились в полумраке, как горящие угли. И он смотрел на неё так, будто бо-

ялся, что видит ее в последний раз и старается запомнить.

— Ты не должен был приходить.

— Ты же знала, что я приду.

— Токкэби не ходят на свидания. Это нарушает все мыслимые правила.

— Я всегда нарушал правила. Иначе мы бы никогда не встретились.

Она грустно улыбнулась своим мыслям.

— Ты пахнешь всегда дождем, даже когда на небе ни тучки.

— А ты яблоневым цветом и весной. Всегда, даже зимой, когда яблони спят.

Они сделали шаг на встречу друг другу. Между ними осталось ровно столько, чтобы могла пройти красная нить.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— Я живу тобой.

Она протянула руку и коснулась его щеки. Он закрыл глаза от этого прикосновения, будто ждал его всю жизнь, и спросил:

— Что теперь?

— Теперь мы будем вместе...

Он открыл глаза. В них был свет, тот самый, который не гаснет даже в самые тёмные ночи, свет решимости и любви.

— Тогда бежим туда, где нас никто не найдёт.

Она рассмеялась:

— Ты предлагаешь мне побег? Токкэби и кумихо, которые

сбегают от своих миров?

— Да. Я предлагаю нам побег.

Она задумалась на минуту и кивнула. В этот момент красная нить на их мизинцах вспыхнула яркой клятвой, что они связывают свои жизни, сколько бы их ни было, в одну.

И они побежали.

Вдоль озера, через бамбуковую рощу, мимо деревьев, которые шептали им вслед: «Бегите, бегите, пока не поздно». Но они не слышали. Они слышали только стук сердец друг друга.

А потом — тишина.

Она не помнила, как упала. Просто мир стал серым, а потом чёрным. Она чувствовала, как что-то тяжёлое наваливается на неё, как забирает её силу, её память, её любовь.

— Ты заплатишь за то, что отняла его у меня! — кричал кто-то.

Она не могла разобрать лица. Только запах серы и жжёной шерсти.

И его голос:

— Держись! Я сейчас!

Она хотела ответить, но не могла. Только почувствовала, как ветка, та самая, которую он подарил ей в ту ночь, упала из её рук на землю.

И в следующий миг она уже была где-то далеко. В другом мире. Без памяти и без него.

Сто лет спустя она проснётся в маленькой комнате, в

другом мире, и будет ненавидеть банки из-под оливок.

А он будет ждать на перекрёстке.

И красная нить всё ещё будет гореть у него на мизинце.

Глава 1. Кира ненавидела банки из-под оливок.

Не сами оливки, их-то она как раз любила, солёные, упругие, а банки. Они вечно попадались под руку, когда на столе и так не было места. Узкое горлышко, мутное стекло, и кисть вечно стучается о края, разбрызгивая воду.

— Чёрт, — тихо сказала Кира, вытирая рыжей от охры тряпкой развод на столе.

Натурщица Машка, которой платили за два часа молчания, даже бровью не повела. Она сидела на подиуме в позе «уставшая нимфа»: левая рука на бедре, голова откинута, взгляд в потолок. В аудитории прохладно и пахнет библиотекой, Кире всегда казалось, что в этом кабинете витает запах старых страниц. Это от всех этих экзаменационных листов с эскизами, да и вообще, когда пишешь акрилом, всегда стоит какой-то запах сырости и плесени. А за окном Она точно знала, там сейчас жарко, даже душно, но тааак пахнет летом. Нужно сосредоточиться на Машке.

Завтра последний экзамен. Композиция.

Кирин эскиз утвердили с третьего раза: «Девочка у окна, стол с фруктами на заднем плане, свет сбоку, настроение томления». Томления у Киры было хоть отбавляй. Томление по тому, чтобы это всё наконец кончилось. Чтобы она могла выспаться, съесть нормальный завтрак, а не булку на бегу,

и чтобы спина перестала ныть от трёх дней в полусогнутом положении. И перестать думать об этой технике сфумато, о которой нудит над ухом Ефимыч.

Она поправила холст на подрамнике и взялась за кисть. Мазок за мазком. Задний план ещё не дописан

— Перерыв пять минут, — объявил преподаватель, для них- Ефимыч, сутулый мужчина с бородкой клинышком, и вышел курить.

Машка тут же обмякла, потянулась, хрустнула шеей и полезла в телефон. Кира взяла банку с водой, ту самую, из-под оливок, бросила в неё кисть, широкий флейц, испачканный в сиене, и смотрела, как окрашивается вода.

И мир споткнулся.

Кира не услышала щелчка, не увидела вспышки. Просто вода вдруг перестала быть водой. Она распалась на тысячу крошечных шариков, переливающихся, будто ртуть, взлетела вверх из банки и начала расти. Шарик увеличивались на глазах — от макового зёрнышка до горошины, от горошины до вишни. Они кружились, сталкивались, слипались и снова распадались, и сквозь них Кира увидела бесконечную гладь. Чёрную. Или синюю. Или цвета штормового моря, который она с упорством смешивала на последнем занятии.

Водоворот. Медленный, величественный, он затягивал её взгляд внутрь, как будто раскрылась воронка и эта воронка несла её в неизвестность. Было совсем не страшно. Удивительно спокойно. «Наконец-то отдохну», — мелькнуло где-

то на задворках сознания.

А потом вода снова стала водой. Шлёпнулась обратно в банку, расплескав по столу пару капель. Флейц стукнулся о стекло.

— Ты чего? — спросила Машка, не поднимая головы от телефона.

— Ничего, — Кири́н голос прозвучал глухо. Она сглотнула. — Засмотрелась.

Кира тряхнула головой, отчего хвост рыжих волос хлестнул по щеке. Волнение и недосып перед экзаменом. Преподаватель рассказывал про галлюцинации у художников — мол, когда долго смотришь на один цвет, сетчатка устаёт и мозг дорисовывает то, чего нет.

«Всё дело в стрессе», — убедила она себя.

Но рука всё равно дрожала, когда она снова вынула и макнула кисть в воду. Но вода вела себя прилично. Не распадалась и не втягивала её в себя. Просто была водой — мутной, тёплой, пахнувшей охрой водой.

Кира выдохнула.

Закончить картину она не успела — задник остался сыроват, но Маше заплатили, и она величественно удалилась. Ефимыч кивнул: «Сойдёт, перед экзаменом успеешь доделать». И Кира вывалилась на улицу с единственным желанием: не думать.

В парк она свернула почти бессознательно. Ноги сами принесли туда, где весна ещё держалась, не сдаваясь летней

духоте. На аллеях было прохладно. Яблони цвели бело-розовым безумием. Их лепестки кружились в воздухе как снег. Где-то заливались птицы и галдели дети. Мир жил обычной жизнью, без охры и томной Машки.

Она купила мороженое в ларьке на входе в парк и сейчас пыталась откусить ледяной край пломбира вместе с вафлей. Вафля, как всегда, отваливалась, а пломбир таял на губах и стекал по подбородку. Кира рассмеялась, вытерлась тыльной стороной ладони и подставила лицо ветру.

«Всё будет хорошо, — подумала Кира. — Завтра экзамен, потом лето. Можно будет спать до обеда. И писать то, что хочется, а не то, что требует Ефимыч».

И тут, краем глаза, она заметила пруд. Она ходила по этой алее с детства и могла поклясться, что не было тут никаких прудов никогда, даже луж не было. Кира встала и задумалась: было очень любопытно заглянуть, что там. Ведь выкопали зачем-то, может, рыб запустили, кувшинок насадили. Ну, парк же.

Вблизи пруд совсем не выглядел свежевыкопанным. Маленький, давно не чищенный, с зелёной ряской у самого берега.

Она подошла к самому краю и заглянула. Вода была тёмной, не пропускала в себя, лишь отражала яблони, что склонились, и Киру, которая смотрела вниз, на свою тень, и пыталась понять, что её смущает.

Она постоянно встряхивала головой, чтобы убрать воло-

сы с глаз, но ветер закидывал их снова и снова, а лёгкая юбка надувалась пузырьём. А вот её отражение стояло ровно. Слишком ровно.

Кира начала шевелить руками, тень как-то помедлила, но повторила всё за ней. На секунду ей показалось, что тень открыла глаза и посмотрела. Кира отшатнулась, наступила себе же на кроссовок и чуть не упала.

— Да что за — выдохнула Кира.

Посмотрела снова. В пруду плавали карпы кои — обычные, оранжево-белые, с глупыми ртами, открывающимися в такт дыханию. Их глаза были маленькими и чёрными. Со-
всем человеческими. Значит, всё-таки запустили рыб-то.

Она моргнула в ответ, и рыба ушла на глубину. Тень побежала рябью. Вода стала просто водой — мутной, холодной, ничего необычного.

Кира стояла, сжимая остатки мороженого, которое потекло по руке, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. «Мне показалось. Конечно, показалось. Недосып. Экзамен. Три дня за мольбертом. Такое бывает».

Она отошла от пруда на три шага. Потом на пять. Потом почти побежала к выходу из парка, но у калитки остановилась. Обернулась.

Яблони цвели всё так же бело-розово. Птицы пели. Вода в пруду стояла неподвижно, отражая облака и ветки.

Никаких человеческих глаз в глубине. Никаких карпов, умеющих моргать.

«Показалось», — твёрдо сказала себе Кира, но подойти к воде и помыть руку не решилась.

Глава 2. Лавка между мирами.

Кира вышла из парка и остановилась на углу, разглядывая липкую полосу на ладони — остатки пломбира уже смешались с чем-то серым, то ли пылью, то ли краской, которую она не до конца оттерла после мастерской. «Надо помыть руки. И съесть пироженку. И забыть про карпов с человеческими глазами». Она повернула на соседнюю улицу, где на углу, прямо напротив старого фонаря с облупившейся краской, всегда была кондитерская «У Шарлотты». Там пекли бриоши с шоколадом и корзиночки с заварным кремом, и тётя Люда за прилавком никогда не спрашивала «вам какой?», потому что Кира всегда брала одно и то же — эклер с лимонным кремом. Она завернула за угол и замерла.

Кондитерской не было.

Не то чтобы здание снесли, нет, дом стоял на месте. Двухэтажный, с облупившейся лепниной, такой же старый и кривой, как и всегда. Но на месте окошка с занавесками теплого кремового цвета теперь красовалась витрина.

Кира подошла ближе и прочитала вывеску, выведенную вязью: «Лавка восточных диковин». Внутри горел тусклый свет.

— Кондитерскую снесли? — вслух спросила она у воздуха. — А когда?

Но ответить было некому. Ветер играл пылью на асфальте,

где-то вдалеке сигналила машина и Кира толкнула дверь.

Звякнул колокольчик похожий на старую монету. Внутри был полумрак. Желтоватый густой свет от небольших ламп красиво ложился на предметы, отражаясь в стеклах витрин и кованых сундучках, а в воздухе витал легкий дымок ладана, мирры, сандала и уда , от чего захотелось чихнуть. И пряности... аромат сладковатых пряностей казалось успел пропитать тут все.

— Добрый вечер, — раздался голос из глубины магазинчика.

За низкой стойкой стоял мужчина. Невысокий, круглолицый, с редкой бородёнкой и очень внимательными глазами. Он раскладывал что-то керамическое и сверкающее. На нём был жилет, расшитый золотыми нитями, и тапочки.

— Вы кондитерскую закрыли? — спросила Кира вместо приветствия, уставившись на его тапки, с узким носом.

Мужчина улыбнулся так, будто она сказала что-то очень смешное.

— Кондитерская была всегда. И всегда будет. Просто сегодня - здесь лавка.

Кира не поняла, но решила не уточнять. Она то хотела только одно: спросить, где тут раковина, вымыть руку и уйти. Ну, и пирожное найти где-нибудь в другом месте.

Лавка оказалась больше, чем казалась с улицы. Узкая, длинная, будто тянулась вглубь квартала. Кира огляделась - точно ли это то место, где была кондитерская. Слева стояли

стеллажи с крошечными деревьями, скрученными в замысловатые узлы. Справа — витрина с благовониями: палочки, конусы, мешочки с травами и совершенно непонятные железки, похожие на детали от старых часов. А в центре, в специальной стеклянной витрине, лежало то, от чего у Киры загорелись глаза.

— Всё для вызова духов, — сказал вдруг чей-то голос рядом.

Кира дёрнулась. Рядом с витриной стоял мальчишка. Лет семнадцати, с острыми скулами и очень узкими глазами, которые он прищурил ещё сильнее, улыбаясь.

— Шучу, — добавил он. — Это просто старая бижутерия. Но если духи клюнут на них, это уже не наша проблема.

Кира хмыкнула.

— А хозяин ваш всегда в тапках работает?

— Он всегда в тапках. И вообще, он не совсем хозяин. Он — хранитель. А я помощник.

Мальчишка зевнул и ушёл за стойку перебирать какие-то верёвочки с узелками.

Кира снова посмотрела на витрину. Там лежали амулеты, кольца, броши, какие-то странные фигурки из тёмного металла. И среди всего этого — шкатулка.

Она была небольшой, размером с ладонь. Из тёмного дерева, с инкрустацией перламутром. Ничего особенного, если не считать того, что Кира никак не могла отвести от неё взгляд. И рука сама потянулась к стеклянной дверце.

— Можно посмотреть? — спросила она у хранителя в тапках.

Тот кивнул, не поднимая головы: «Она тебя ждет».

Кира открыла витрину и осторожно дотронулась до шка-тулки. Дерево было теплое, будто она только что была в чьих-то руках. Крышка откинулась внезапно, девушка вздрогнула и заглянула, ожидая увидеть записку с предсказанием. А там лежала просто сухая веточка. Яблонева. С пятью крошечными, нетронутыми листочками.

В следующую секунду у неё в голове зазвучал голос, такой странный, будто говорили через вату:

— Он тебя выбрал. Или ты его. Все остальное неважно. Предначертанное случится.

Кира замерла.

Она хотела спросить: «Кто — он? Что за чушь?» — но не смогла. Потому что внутри неё самой, где-то глубоко-глубоко, под слоем усталости, экзаменов и холодного пломбира, проснулось что-то И тут же испугалось.

«Бред, — подумала Кира. — Это всё бред. Я просто хочу пирожное. Я пришла за эклером. Я не открываю случайные шкатулки в магазинах, которые, давайте уж честно, появились здесь из ниоткуда и смахивают на шарлатанство. Потому что кондитерская "У Шарлотты" работала ещё вчера! Я точно помню, потому что вчера я плакала над эскизом и ела пирожное с лимонным кремом. И тётя Люда сказала: "Держись, детка". И дала салфетку. А теперь вместо салфетки ка-

кой-то хранитель в тапках и мальчик с узкими глазами, который шутит про духов. И веточка. Обычная веточка, которую можно найти под любой яблоней в том же парке. Пять листиков. Ничего особенного. Почему же у меня сердце колотится, как на экзамене? И кому какая разница — выбрала я шкатулку или она меня? Или кто кого там выбрал?! Я просто зашла помыть руки.

Руки. Точно. Мне надо вымыть руки».

Она подняла глаза на хранителя. Тот смотрел на неё с лёгкой, чуть печальной улыбкой.

— Сколько стоит? — спросила Кира хрипло.

— Её нельзя купить, — сказал хранитель. — Её можно только взять. Или не брать. Но тогда ты никогда не узнаешь, что было внутри на самом деле.

Кира посмотрела на веточку. Листья не осыпались. Они словно застыли во времени. Как те шарики воды в мастерской.

Она закрыла крышку.

«Положить обратно, — подумала Кира. — Просто положить на витрину, сказать "спасибо, я подумаю" и уйти, что бы никогда не вернуться. Найти ближайшую шаурмичную, вымыть руки, съесть что-нибудь бездуховное, без яблоневых веток и без улыбающихся помощников. И завтра сдать экзамен. И забыть».

Но она уже знала, что не забудет. И знала, что не положит.

— Я возьму, — сказала Кира.

Хранитель кивнул, будто только этого и ждал.

Мальчик с узкими глазами, не поднимая головы от верёвочек, тихо сказал: «Поздравляю. Теперь ты в деле».

Кира вышла на улицу. В руке была шкатулка. В голове — голос, который сказал: «Он тебя выбрал». А на месте, где только что был магазин, снова стояла кондитерская «У Шарлотты». С кремовыми занавесками и ароматом выпечки.

Кира посмотрела на шкатулку. Потом на кондитерскую.
— Я схожу с ума, — сказала она вслух.

Глава 3. Сны иных миров

Кира посмотрела на шкатулку. Внезапно поднявшийся ветер хлопнул дверью кондитерской. Кира вздохнула и поправила привычным жестом волосы. Пирожных расхотелось и она убрала шкатулку в рюкзак, застегнула клапан и быстро зашагала прочь. Подальше от этого места. Подальше от карпов, говорящих голосов и кондитерских, которые исчезают и появляются по своему усмотрению.

Домооой. Только домой.

Она шла быстро, почти бежала, но не могла отделаться от ощущения, что в рюкзаке у нее кто-то живой.

«Выбросить её, — подумала Кира, сворачивая во двор. — Нет, нельзя. Вдруг это чья-то ценная вещь? А если не ценная? А если это вообще ловушка? Тьфу, какая ловушка. Я просто взяла красивую шкатулку в лавке, которая, о чудо!, появилась на месте моей любимой кондитерской. Всё нормально. Всё в порядке».

Она поднялась на третий этаж, достала ключи дрожащими руками и никак не могла попасть в замочную скважину.

— Да что ж такое, — прошептала Кира и прижала ладонь к двери, пытаясь успокоиться.

Наконец-то попав домой, она захлопнула за собой дверь, прислонилась к косяку и закрыла глаза. Вдыхая горький запах кофе, что шел от соседки снизу, она достала шкатулку

и прошла на кухню.

Шкатулка лежала на ладони — тёмная и гладкая, инкрустированная перламутром. На крышке, если присмотреться, был вырезан узор. Листья, пять листьев на ветке яблони. Точь-в-точь как та веточка внутри.

Кира села за стол, поставила шкатулку перед собой и уставилась на неё.

— Ну и что ты такое? — спросила она. — Ладно. Давай логически. Во-первых, меня сегодня чуть не засосало в банку с водой. Во-вторых, я увидела карпа с человеческим глазом. В-третьих, кондитерская исчезла, а потом появилась снова. В-четвёртых, какой-то мужик в тапках сказал, что веточка меня выбрала. Или я её. В общем, выбирали мы друг друга и тут без вариантов. Логика еще та, ну уж какая есть.

Шкатулка конечно же молчала.

Кира глубоко вздохнула и снова открыла шкатулку. Веточка лежала на месте. Пять листочков. Ни пылинки.

«Ты можешь взять её», — сказал внутренний, её собственный, уставший, ироничный голос. «Ты уже влезла в это по самые уши. Что тебе терять?»

Кира вынула веточку. Пальцы коснулись сухой, чуть шершавой поверхности — и мир лопнул. Картинка перед глазами распалась на тысячу осколков, а потом сложилась заново. Она не сидела на кухне, а стояла в лесу.

Нет, не так. Она была внутри чьего-то воспоминания. Чу-

жая боль пульсировала в висках. Чужой страх сжимал горло.

Вокруг высокие сосны, которые тянут свои вершины к небу, затянутому облаками. Ветер, сильный ветер и он несёт запах гари и мокрой коры. На поляне — она. Девушка. Нет, не девушка. Кто-то, кто только выглядел как девушка. Слишком бледная кожа, слишком острые уши, пальцы длиннее, чем нужно. Она сидела на корточках перед костром, который уже почти догорел. На ней был тонкий шёлковый ханбок, испачканный в земле и, кажется, в крови. В чужой крови.

Рядом стоял высокий мужчина с тёмными волосами, собранными в узел, и очень спокойным лицом. Вот прямо, будто на нем маска была. Он не двигался, просто смотрел, как девушка сворачивает что-то в ладонях.

— Ты уверена? — спросил он.

— Я выбираю.

Она раскрыла ладони. В них лежала веточка. Яблонебая. Пять листочков.

— Это всё, что останется, — сказала девушка. — Моя память. Моя боль. Моя любовь.

Она говорила спокойно, но пальцы дрожали. И Кира чувствовала эту дрожь, как свою собственную. И эту пустоту, как будто все внутри сжалось где-то у солнечного сплетения, а из груди вынули сердце и положили в холодную шкатулку.

— Забери, — девушка протянула веточку мужчине. — Храни, пока не придёт тот, кто сможет продолжить. Или тот, кто сможет закончить.

Мужчина взял веточку. Не спросил «кто придёт и когда». Просто кивнул и убрал её в шкатулку, ту самую, что лежала сейчас перед Кирой на столе.

— А ты? — спросил он.

— Я растворюсь, — девушка улыбнулась. — Как дым, как вода, как сон, который забывают, когда открывают глаза.

Она встала и посмотрела на небо. По её щеке потекла слеза.

— Я так хотела быть человеком, — сказала она. — Думала, если проживу одну жизнь среди смертных, если полюблю по-настоящему, если пожертвую собой, то стану одной из них. Но оказалось, что я просто кумихо, которая умеет только терять. Я сама виновата, что нарушила запрет и все ему рассказала. Я была уверена в нем...

Мужчина шагнул к ней, но она покачала головой.

— Не надо. Я уже сделала выбор.

Она закрыла глаза. И начала растворяться. Сначала стали прозрачными руки, как вода. Потом плечи, шея, лицо. Улыбалась она или плакала, когда исчезала Кира разобрать не могла.

Ветер разметал последние искры костра. А на том месте, где она стояла, выросла яблоня. Маленькая, тонкая, с пятью цветочками на самой верхней ветке.

Кира вынырнула из воспоминания так резко, что стул под ней качнулся. Она схватилась за край стола, чтобы не упасть. Ладони взмокли и было трудно дышать, будто это она сама

только что растворилась и с трудом собрала себя заново.

Перед ней на столе лежала обычная сухая веточка, но сейчас Кира смотрела на неё и видела ту девушку — кумихо, которая променяла бессмертие на шанс стать человеком и полюбить. И проиграла.

— Господи, — прошептала Кира. — Это что, было на самом деле?

Она встала и открыла окно. Ворвался вечерний воздух, пахнувший тополями и бензином. Обычный городской запах. Кира обхватила себя руками. Пальцы всё ещё дрожали. Она сжала их в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль отрезвила.

«Она хотела быть человеком, — подумала Кира. — И отдала всё. А я? Я просто устала от экзаменов. Я жалуюсь на Ефимыча, на недосып, на банки из-под оливок. А она отдала себя. Целиком. Для неё жизнь смертного была волшебным даром. Для меня — рутиной».

Кира вернулась к столу, села на корточки прямо на пол, положила руки на стул и уткнулась в них лбом. Так она сидела в детстве, когда получала двойки. И когда умерла бабушка. И когда впервые поняла, что мир не всегда справедлив.

— Глупая, — сказала она шкатулке. — Глупая лисица. Зачем ты это сделала? Разве любовь стоит того, чтобы исчезать?

Но ответа не было. Веточка лежала на столе — сухая и мёртвая. Кира взяла её в ладони, осторожно, как живую.

Прижала к груди и заплакала. Заплакала от жалости, от того, что чужая боль, которую она только что пережила, оказалась сильнее всего, что она знала раньше. Она вылиwała в эти слезы весь этот странный день. Она сидела на кухонном полу и плакала так громко, что соседка снизу постучала по батарее, но Кира не обратила никакого внимания.

— Я не знаю, кто ты, — прошептала она в пустоту. — Но я запомню. Я тебя запомню.

Она поднялась, вытерла лицо ладонью, размазывая слезы по лицу, и села на стул.

«Я выбрала ее или она меня не важно. Теперь я должна понять — продолжить или закончить».

Но завтра экзамен. Кира горько усмехнулась:

— Вот так всегда, вселенные рушатся, кумихо исчезают, а у Киры завтра композиция.

Она положила веточку обратно в шкатулку, закрыла крышку и поставила на стол.

— Я тебя не брошу, — тихо сказала Кира. — Обещаю. А сейчас спать.

Как только голова коснулась подушки, она провалилась в сон. Тяжёлый, без сновидений, как будто чья-то чужая усталость накрыла её с головой и сказала: «Отдохни. Завтра будем думать».

И Кира ее послушалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.